

Частный случай Александра Гордона

Информация. — 1998, 4 дек. — с. 7

У Александра Гордона два паспорта — наш и американский. Не так давно он вернулся из США, чтобы остаться в России навсегда. Почему? С работой все было хорошо, с популярностью — тоже. Придуманная Гордоном передача «Нью-Йорк, Нью-Йорк» снималась там, а выходила здесь. Это был нормальный, не приукрашенный ни в какую сторону взгляд на жизнь за океаном. И эта жизнь была так похожа на нашу...

Вернувшись, Александр Гордон учредил партию общественного цинизма, объявил себя генеральным секретарем и занялся спасением старушек и обездоленных. Выходившая на ТВ-6 передача «Частный случай» поражала воображение: какой-то человек, сидя перед камерой, убеждал зрителей бороться за свои права, принимал звонки и выезжал по вызову, как «скорая помощь».

Сегодня Александр Гордон — самый скандальный радиоведущий страны. Недавно он объявил начало акции «Гуманитарная волна». Каждый слушатель может позвонить в программу «Хмурое утро» на радио «Серебряный дождь», попросить помощи или поделиться чем-то с ближним. Делятся, как правило, старыми шубами, детскими вещами, зеленым горошком, лекарствами и учебниками... Итак, мы беседуем с Александром ГОРДОНОМ.

— Вы уехали в Штаты в 89-м, не так давно вернулись и уезжать не собираетесь. И это в наше время, когда от кризиса и неразберихи многие мечтают уехать за границу за лучшей жизнью...

— Это у них сейчас кризис, а у меня он всегда. За последние десять лет я квартир двадцать сменил, а то и больше. И отсутствие денег — такой привычный для меня фактор, что было бы странно жить по-другому. Я от кризиса не пострадал в этом смысле. А что касается жизни в Америке... Там очень трудно жить. Страна волшебная: по пейзажам, по простоте житейской, по возможности путешествовать ни от кого не будучи зависимым... Но американцы — очень загнанный жизнью народ. Живут от зарплат до зарплат, копят всю жизнь, выплачивают взносы, учат детей. Покупают дома, меняют дома. Пошел на другую работу — вынужден сменить машину... Это общество условностей. Американской мечты нет. Микки Маус умер не-

смотря на пышно отпразднованный юбилей.

— В эфире «Серебряного дождя» вы курите, кокетничаете с девушками, нелитературно выражаетесь... Это намеренное попрание политических корректных норм поведения?

— Ненавижу сам термин «политкорректность». Это абсолютно искусственная, надуманная, крайне циничная вещь. Это неправильно, так не живут.

— Почему тогда остальные радиоведущие себе этого не позволяют?

— Позволяют. Исклчительно благодаря мне. Я не знаю, что мне не удалось, но одно удалось точно: изменить отношение к радиослушателю. От традиционного политически корректного «клиент всегда прав» до личного, персонального отношения к каждому звонящему. Если звонит дегенерат — почему не сказать ему об этом? Если звонит человек, который говорит, что нуждается в помощи, а на самом деле кокетничает и не нуждается, по-

чему не сказать, что ты по этому поводу думаешь? Тем более это хорошая профилактика. Если звонит умный, добрый, но запутавшийся человек, почему не попробовать разобраться с ним...

— Ваш «Частный случай» на ТВ-6 выходил очень недолго...

— Потому что такой программы быть просто не может. Это никому не выгодно — ни создателям, ни зрителям. Но мне было интересно попасть в другое телевизионное качество. Потом, я так долго отсутствовал в России, и передача помогла мне понять, чем живет страна и какие у нее проблемы. Три раза в неделю мне только об этом и рассказывали. Я не Робин Гуд и не Дон Кихот. Защищать старушек — важная миссия. Но когда ты защищаешь их месяц, два, на тебя смотрят шальными глазами и думают: секундочку, а кто у него «крыша», что он несет? Еще через месяц понимаешь, что никакой «крыши» нет, а просто сидит человек и несет.

— И как, по вашим наблюдениям, люди переживают кризис?

— Некоторые обрадовались. Потому что состояние кризиса — привычное состояние для жителей нашей страны. Некоторым стало легче — тем, кто получает доллары вместо рублей. Потому что покупательная способность доллара возросла ровно в три раза. А как нищие и полунищие

реть и основатель партии общественного цинизма. А цинизм, по определению, — бесстыдство, наглость, грубая откровенность, вызывающее презрительное отношение к общепринятым нормам нравственности и морали. И как увязать все это с публичной защитой старушек, с акцией «Гуманитарная волна»?

— Прежде всего партия именно общественного цинизма. А цинично относиться к врагню наших политиков — это совершенно нормально. Что касается акции, мне интересно было понаблюдать за людьми. Это пригодится потом для работы.

— И как, по вашим наблюдениям, люди переживают кризис?

— Некоторые обрадовались. Потому что состояние кризиса — привычное состояние для жителей нашей страны. Некоторым стало легче — тем, кто получает доллары вместо рублей. Потому что покупательная способность доллара возросла ровно в три раза. А как нищие и полунищие

люди живут, тут и рассуждать нечего... Тяжелее всего приходится тем, кому сейчас 25—26 лет. Они были абсолютно уверены, что идут правильным путем, и попали под сокращение. Это люди ни к чему не годные и не приспособленные, не понимающие, в какой стране они живут. Не имеющие опыта выживания. Им, так называемому новому среднему классу, особенно тяжело.

— За короткий отрезок времени — десять лет с начала перестройки — граждане нашей страны столько раз обманывали, и каждый раз они заново начинали верить в лучшую жизнь. Понятно ли вам, что лежит в корне этой веры?

— Привычка. Жить-то все равно надо.

— Вам не кажется, что кризис — идеальное условие для построения ячейки общества будущего? Когда нет надежды на государство, единственное, за что можно зацепиться во внешнем мире — это близкие, родные...

— Я не устаю об этом гово-



ОЛЕГ ПРАСОЛОВ

рить, не устаю к этому призывать: нет никакой страны. Есть вы и ваши. И не было никакой страны. Были друзья, разговоры на кухне, писания в стол, самобийства, народобийства... Я никогда не был, например, в Барнауле: это Россия или нет? Я не знаю. Моя страна — несколько точек на территории бывшего Советского Союза, любимых или нелюбимых.

— А как же чувство патриотизма?

— Чувство патриотизма может возникать, когда ты смотришь, как выигрывает наша сборная по футболу. Но она проигрывает. Патриотизм — не абстрактное чувство. Если он абстрактен — это квасной патри-

тизм, страшной которого нет. А если он конкретен — тебя бьют, а ты защищаешь не только себя, но и кого-то рядом с тобой, — это патриотизм. Или ты работаешь не только для себя, а для кого-то рядом с тобой. Остальное — фашистские или коммунистические пропагандистские бредни.

— Может быть, придумать новую идеологию, чтобы было к чему стремиться?

— Придумать идеологию невозможно. Нам уже все было предложено, весь арсенал, которым располагает мир, — монархия, военный коммунизм, диктатура пролетариата, социализм, потом развитый социализм, загнивающий социализм, капита-

лизм без человеческого лица, капитализм с человеческой маской... Сейчас нас притянули якобы в демократию. Ни одна из этих идеологий не прижилась. Мне кажется, отсутствие идеологии — это самая лучшая идеология. Отсутствие общей задачи в пользу понимания задачи своей. Вместо того чтобы создавать связи сверху, лучше использовать естественные связи снизу: семья, соседи, друзья... Начинается век индивидуальных действий. Нас всегда учили — думай сначала о Родине, потом — о себе. Нет. Если ты все время будешь думать только о себе и о тех людях, кому ты обязан, тогда, может, Родина и получится.

Ирина БЖАХОВА